

**ЖИЗНЬ И СУДЬБА КОНСТАНТИНА СИМОНОВА
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)
LIFE AND FATE OF KONSTANTIN SIMONOV
(TO THE 100TH ANNIVERSARY OF BIRTHDAY)**

**ПОЛЬ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
POL DMITRY VLADIMIROVICH**

Зав. лабораторией литературного творчества Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт художественного образования Российской академии образования», доктор филологических наук, профессор.

Head of the laboratory of literary creativity of the Federal state budget scientific institution "Institute of art education Russian academia of education", doctor of philological Sciences, Professor; e-mail: pol-d-v@yandex.ru.

Ключевые слова: творчество К. М. Симонова, военная проза, русская литература XX в., жизнь и судьба в русской литературе XX в.

Keywords: creativity of K. M. Simonov, military prose, Russian literature of the XX century, the life and fate in the Russian literature of the XX century.

Аннотация: В статье, посвящённой 100-летию со дня рождения К. М. Симонова, рассмотрены отдельные вопросы жизни и творчества самого известного поэта военных лет. Отличительной чертой К. Симонова была честность: и по отношению к врагам и недоброжелателям, и к коллегам-журналистам, и к соперникам-писателям. В статье делается вывод об искренней приверженности Симонова сталинской линии в послевоенные годы, о надуманности объяснений ревностного служения Симонова сталинскому режиму внутренним страхом поэта из-за его дворянского происхождения.

В статье делается вывод о «несходности» жизни и судьбы как двух философских максим в творческой судьбе К. М. Симонова, об искупительном мотиве в жизни и творчестве поэта 50-х – 70-х гг.

Творчество К. М. Симонова стало одной из наиболее ярких страниц в истории русской словесности и потому заслуживает должного внимания со стороны школьного и вузовского преподавания.

Abstract: In the article, dedicated to the 100th anniversary since the birth of K. M. Simonov, several issues of the life and work of the most famous poet of the war years are considered. Hallmark of K. Simonov was honesty: to the enemies and ill-wishers and to fellow journalists and to opponents of the writers. The article makes a conclusion about a sincere commitment of Simonov to Stalinist line in the postwar years, the artificiality explanations of devotion Simonov to Stalinist regime by internal fear poet because of his noble origin.

The article concludes "dissimilarity" of life and fate as two philosophical maxims in the creative destiny of K.M. Simonov, about the redemptive motif in the life and work of the poet of the 50's - 70's.

Creativity of K.M Simonov is one of the most brilliant pages in the history of Russian literature and deserves proper attention from the school and University teaching.

«Судьба» – ключевое слово и понятие для русской литературы XX в. «Жизнь и судьба», «Судьба человека» – вот только некоторые из названий произведений, этапных для русской словесности прошлого столетия. А ведь, помимо них, были и «Судьба барабанщика» А. П. Гайдара, «Судьба» П. Л. Проскурина, и множество других, содержащих столь важное для советской действительности понятие. При всей внешней сходности судьба отнюдь несводима к жизни. И если жизнь – летопись биографических фактов, то судьба выступает как их детерминированность в пространстве и времени. В противопоставленности жизни и судьбы можно уловить отражение философского конфликта позитивистов и сторонников жизни (популярных на рубеже XIX–XX вв. и часто обращавшихся к категории «судьба»), а можно – интуитивно почувствованную и уловленную опосредованную, а не линейную взаимозависимость процесса и результата в российской социально-политической действительности XX века.

Таким образом, в постреволюционной России жизнь и судьба, как константы эпохи, постоянно присутствуют в художественном тексте, и в биографии писателей.

Почти сто лет назад в Петрограде в русской дворянской семье родился Кирилл Михайлович Симонов. Сын царского генерала, потомок князей Оболенских по материнской линии, возводивших свой род к Рюрику, к тридцати пяти годам стал лауреатом ШЕСТИ Сталинских премий по литературе, одним из руководителей Союза писателей СССР, главным редактором ведущих литературно-художественных изданий «страны победившего социализма» («Литературная газета», «Новый мир»). И любимый поэт для миллионов советских людей, переписывавших его стихи от руки, хранивших их в «красном уголке», выстаивавших многочасовые очереди только для того, чтобы увидеть легендарного автора стихотворения «Жди меня», и на последние гроши, покупавших его книги. Обласканность со стороны власти и искренняя любовь читателей – явление чрезвычайно редкое для всей русской словесности. Вопреки своему социальному происхождению К. М. Симонов (Константин Симонов – под этим псевдонимом он остался в памяти поколений), добился и признания властей и популярности среди читателей. Впрочем, судьба К. М. Симонова отнюдь не была столь ясной и безоблачной, как может показаться, судя по внешним событийным данным.

Детство и юность прошли в военной среде (отчим командир Красной армии), в школе господствовал ярко выраженный антибуржуазный и антиаристократический настрой, а ведь все родственники Симонова дворяне. Аристократизм в лучшем значении этого слова, в том самом смысле, в каком в XIX в. неистовый Виссарион Григорьевич Белинский писал об истинном «высшем свете», противопоставляя его массовому, эпигонствующему и потому ничтожному, окружал Симонова с самого рождения. Элитарность не в утверждении исключительности по крови, а в – незыблемости морально-этических норм. Прежде всего это честь и бесчестье в пушкинско-лермонтовском понимании, верность воинскому долгу, знание национальной истории, любовь к языку, уважительно-почтительное отношение к армии. «Атмосфера нашего дома и атмосфера военной части, где служил отец, породили во мне привязанность к армии и вообще ко всему военному, соединённую с уважением. Это детское, не вполне осознанное чувство, как потом оказалось на поверку, вошло в плоть и кровь» [12.С. 5]. В советской же школе 20-х гг. активно насаждаются пролетарский интернационализм, воинствующий атеизм, вульгарное понимание исторических процессов в рамках «научной школы» М. Н. Покровского, отрицаются сословные предрассудки, к которым относятся и такие значимые для русской культуры ценности, как честь, долг. Индивидуализм дворянской системы ценностей юного Симонова неизбежно сталкивается с коллективизмом,

насаждаемым школой. Очевиден постоянный скрытый внутренний конфликт, который протекает на фоне грандиозных социально-экономических преобразований в стране. В таких условиях выросли очень рано. В 15–16 лет [10] начинается трудовая биография К. М. Симонова – токарем на авиазаводе. В неполные двадцать лет он начинает печататься в периодических изданиях.

Ранняя трудовая деятельность и столь же раннее начало поэтической пришлось на начало 30-х гг. – время стремительного индустриального преобразования СССР, сопровождавшегося не только увеличением в несколько раз менее чем за десятилетие промышленного производства, но и коллективизацией и созданием разветвлённой сети концентрационных лагерей. Душевная стойкость человека («Победитель» (1937) о Н. Островском), трудовая («Саша Чёрный» (1938) о строителях Беломоро-Балтийского канала) и воинская («Ледовое побоище» (1938), «Суворов» (1939)) доблесть – важнейшие темы поэм К. М. Симонова конца 30-х гг.

Юношеская командировка в Монголию, на Халхин-Гол, определила судьбу К. М. Симонова. Почти на тридцать лет военная журналистика станет профессией для Симонова – в 1968 г. он, и также на востоке, станет корреспондентом «Правды» во время событий на острове Даманский.

Центральное место в жизни и судьбе К. М. Симонова займёт Великая Отечественная война. С первых дней войны и до мая 1945 г. Симонов – фронтовой корреспондент. Именно в эти годы будут созданы самые известные произведения К. М. Симонова – книги стихов «С тобой и без тебя», «Война», пьесы «Русские люди», «Жди меня», «Так и будет», повесть «Дни и ночи». «Жди меня» – название стихотворения и повести стало самым популярным и узнаваемым произведением военной поры, оно и по настоящее время воспринимается как один из наиболее значимых символов эпохи.

Может сложиться ошибочное впечатление, что Симонов всю жизнь любил рисовать войну. Это не так – писателя привлекали исключительные обстоятельства, позволявшие в полной мере проявиться лучшим свойствам человека. Об этом всё творчество Симонова. То, что большинство симоновских героев проходит через войну – свойство времени, а не результат писательских пристрастий.

Певец и вождь, писатель и власть – тема столь же древняя, сколь и неисчерпаемая. И сложно понимаемая и определяемая взаимозависимость Симонова и Сталина, как одна из точек на этой длинной и весьма значимой линии в истории русской и мировой словесности. Вряд ли можно согласиться с теми, кто наивно полагал, что Симонов служил Сталину не за совесть, а за страх, так как его отец – царский генерал, к тому же белоэмигрант. Для человека, почти 30 лет проработавшего фронтовым корреспондентом

(1939–1968), всю свою взрослую жизнь, начиная с 1941-го года и вплоть до смерти, мучившегося от того, что, может быть, надо было остаться на Буйничском поле под Могилёвым, «просто солдатом», для него все эти меркантильные вопросы не были, да и не могли быть определяющими. Симонов искренне верил Сталину, как лидеру страны, победившей фашизм.

Константин Симонов не мог не помнить, учитывая его раннюю любознательность, а если что и подзабыл, то родители могли напомнить, то изобилие вождей, которое наблюдалось в постреволюционной России. Великое множество «больших» и «малых» руководителей, требовавших или просто воспринимавших как должное своё прославление и даже обожествление со стороны соратников, называвших в их честь города и посёлки (Зиновьевск/ Елизаветград/ Кировоград; Троцк/ Гатчина и др.). Литература и периодика начала 20-х гг. изобилует прославлениями вождей самого разного уровня [8]. На их фоне резко выделялся немногословный Сталин, каждая фраза которого обладала ощутимой весомостью и значимостью, а он сам воспринимался как символ Советского государства.

Сталин много читал и старался быть в курсе всего, что происходило в культуре 20-х – 40-х гг. Нелишне напомнить, что в своём предсмертном письме от 13.05.1956 г. А. А. Фадеев, прекрасно знавший всю партийную элиту 30-х – 50-х гг., писал об образованности «сатрапа Сталина», что резко отличало его от современных ему руководителей КПСС и СССР (прежде всего Н. С. Хрущёва), «нুবоришей от великого ленинского учения» и «невежд» во всём, что относится к литературе.

В военные и послевоенные годы Симонов неоднократно лично встречался со Сталиным, не мог не отдать должное организаторским и управленческим талантам вождя, резкости и точности многих его суждений. Симонов был искренен и точно, как никто другой, передал скорбь и растерянность миллионов советских людей. Сразу после смерти вождя «Правда» напечатала строки Симонова:

Нет слов таких, чтоб ими описать
Всю нетерпимость горя и печали.
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по вас, товарищ Сталин...

В этих талантливых строчках и горе, и потрясение, и растерянность, точно передавшие чувства миллионов. И нет здесь никакого заказа. По принуждению так не пишут. Это искренняя реакция поэта на смерть того, кто был символом для нескольких поколений, с именем которого, достаточно обратиться к воспоминаниям того времени или к автобиографическому роману «Мой лейтенант» Д. А. Гранина [4], миллионы людей прошли всю войну.

Для Симонова XX-й съезд был несомненным потрясением, побудившим его к мучительному переосмыслению своего недавнего прошлого. Поэту, неоднократно общавшемуся со Сталиным, активно участвовавшему в деятельности Секретариата Союза писателей СССР, а значит сопричастному государственной политике, открытие правды о масштабе репрессий было особенно тяжело. При всём при том, что многие близкие К. М. Симонова были репрессированы, он до 1956 г. не связывал этот факт с личностью Сталина.

Симонов 50-х гг. мучительно переосмысливает свою жизнь. Не так много в советской литературе примеров подобной беспощадной внутренней критики себя самого. Здесь не найдёшь ярких эскапад И. Г. Эренбурга, повышенной эмоциональности и упоения в самоизобличении. Это не видная взгляду внутренняя работа со стороны человека внутренне честного, но и человека системы, остро ощущающего свою государственнуюсопричастность и принадлежность всему происходящему в стране.

Переоценка личности Сталина не могла проходить для Симонова вне контекста того времени, вне сопоставлений «вождя народов» с его «наследниками» – Хрущёвым и Брежневым, с кем Симонов неоднократно общался, как по работе в Секретариате Союза писателей СССР, так и в частной обстановке. Точно также, как и вне народного восприятия «вождя народов», отнюдь не тождественного взглядам партийной номенклатуры.

Не вызывает сомнений свидетельства близких поэта о том, как воспринимал Симонов Сталина незадолго до своей смерти. Над этим и сейчас неплохо бы задуматься. «Велик, но страшен» – Симонов о Сталине [10.С. 7]. Это очень точно передаёт глубинную суть человека, обладающего поистине неограниченной властью. Сходное ощущение возникает и от Ивана Грозного из «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова. И это близость неслучайна. Лермонтов художественно передал существующую в народном сознании двойственность в отношении к Ивану Грозному. Точно так же Симонов уловил важнейшее противоречие в восприятии и отношении к И. В. Сталину. «ВЕЛИК». Несомненно. И точно так же «СТРАШЕН»!

С приходом к власти Н. С. Хрущёва К. М. Симонов был постепенно отстранён от официального руководства советской литературой: перестал возглавлять журналы, два года прожил в качестве корреспондента «Правды» в Ташкенте (1958–1960), а в 1959 г. даже выводится из Секретариата Союза писателей СССР; вернётся только в 1967 г. и будет там состоять вплоть до самой смерти (1979). Скорее всего истоки этой «опалы» в убеждении Н. С. Хрущёва в том, что Симонов – «любимец Сталина», а также во

внутреннем неприятии поэтом до крайности невежественных и громогласных действий нового партийного руководства.

К. М. Симонов «вернулся» в московскую литературную жизнь как автор трилогии «Живые и мёртвые» (1959–1971) – одного из лучших произведений о Великой Отечественной войне, пьес и сценариев. Вопреки мнениям скептиков о творческой истощенности, Симонов не просто остаётся в числе лучших писателей 60-х–70-х гг., но и в ряде случаев выступает в качестве «законодателей моды», определяя основные направления развития культурной жизни. Кто знает: состоялась бы кинематографическая карьера А. Ю. Германа без симоновского сценария к фильму «Двадцать дней без войны» по его же повести «Из записок Лопатина»? И уж во всяком случае не было бы той «лавины» воспоминаний и размышлений фронтовиков без симоновской поддержки этому движению, как в виде каких-то организационно-бюрократических действий, так и в – обычном человеческом напутствии и поддержке.

Отличительной чертой К. Симонова была честность: и по отношению к врагам и недоброжелателям, и к коллегам-журналистам и к соперникам-писателям. Более чем непростыми были отношения Симонова и Шолохова [7.С. 767]. Именно Шолохов подверг резкой критике К. Симонова на Втором Всесоюзном съезде Союза писателей СССР 21.12.1954 г., обвинив его в «дипломатическом маневрировании» и в «скорописи», т. е. создании большого числа заведомо слабых, недоделанных произведений [14.С. 218]. И тем не менее Симонов оказался одним из первых, и очень немногих писателей, кто прочитав и небезызвестный «труд» И. Б. Медведевой-Томашевской «Стремя “Тихого Дона”» и сочинения Ф. Д. Крюкова, по собственной инициативе выступил с резким опровержением «версии» о плагиате, а также ходатайствовал об издании сочинений Ф. Д. Крюкова в СССР [7. С. 767]. Вряд ли это можно считать выполнением «задания» партии. Скорее другое – юношеское неприятие откровенной неправоты даже в отношении своего давнего критика. Честность к другим и жёсткость по отношению к себе – отличительные черты К. М. Симонова.

Всю жизнь Симонов сожалел о том, что не остался на Буйничском поле. Память о войне у Симонова – это не только боль, как и у миллионов, но и определённое сожаление о дороге, от которой он отказался. Симонов – потомок древнейших дворянских родов, идеалом которого была воинская служба, всю жизнь переживал, что не поддался порыву души, «зову предков», и не выбрал удел простого солдата – не остался на поле битвы под Могилевом. За него это сделает в 1959 году в романе «Живые и мёртвые» военный журналист Синцов.

Константин Михайлович Симонов ушёл из жизни в неполные 64 года. Вскоре после

смерти Симонова Е. Евтушенко в «Завещании Симонова» (1980) откликнулся на это событие со свойственной ему оценочностью и безапелляционностью:

Ко всему, что оплакал и не оплакал,

Возвращался поэт благодарно развеянным прахом.

Ну, а если поэт и виновен был в чём-то когда-то, [Панкин.С. 448]

То пред всеми людьми дал развеять себя виновато». [Панкин.С. 449]

Предел пошлости...

Несопоставимо талантливее и точнее трагизм жизни и судьбы Симонова отразил

А. А. Вознесенский в стихотворении «Дозорный перед полем Куликовым» (1980 г.):

Так русский поэт полтыщи лет

После.

Всей грязи назло –

Попросит развеять его в чистом поле

За то, что его в сорок первом спасло.

Вплоть до конца 80-х – начала 90-х гг. исследование творчества К. М. Симонова было делом достаточно похвальным – поощряемым издательствами и диссертационными советами и потому распространённым. В 1985 г. изданный издательством «Книга» библиографический указатель [1.С. 337] насчитывал немного немало 4259 источников о жизни и творчестве К. М. Симонова в виде литературоведческих работ, статей очерков, рецензий и диссертационных исследований (к 1985 году их насчитывалось 28, из них исключительно Симонову – 16, в 12 творчество К. М. Симонова рассматривалось в общем контексте военной прозы или в связи с его переводческой деятельностью).

С началом Перестройки жизнь и творчество К. М. Симонова не только подвергаются жёсткой критике, в литературоведении и в школьной программе ему уделяют всё меньше и меньше внимания, и чаще всего в контексте литературы о войне. Прошло немногим более трёх десятилетий после смерти Симонова и очень немногие российские школьники вспомнят о нём.

В 2000-х вновь стали появляться исследования, посвящённые поэтике К. М. Симонова. Однако и в 2008 г. справедливо мнение, что творчество Симонова «таит в себе многие не до конца раскрытые пласты смыслов» [3.С. 3].

Справедливости ради отметим, что после Перестройки появились и работы, в которых была предпринята попытка честно рассказать о Симонове без прикрас, не огрубляя и не приукрашивая. Одна из таких попыток – роман-биография Б. Д. Панкина «Четыре я Константина Симонова» [4].

«Костя», «Военкор», «Константин Михайлович» и «К. М.» – в этих четырёх частях-

названиях книги словно бы вместились все важнейшие этапы жизни поэта. Не оспаривая данную периодизацию, отметим, что вольно или невольно она навязывает нам несколько ликов, если быть точным – четыре, Константина Симонова. Но не получается ли искусственного разделения целостной личности поэта на несколько?!

Всегда ли справедливо автор навязывает нам некую точку зрения, как позицию Симонова?! Например, его сомнения в финской войне? Были ли они у него двадцатипятилетнего? Вряд ли. Скорее это некий компромисс Б. Д. Панкина со сложившейся ныне точкой зрения о странности и ненужности Зимней войны (1940 г.).

Константин Симонов ушёл из жизни, прожив неполные шестьдесят четыре года. Не так уж и мало для свидетеля и участника столь масштабных потрясений. Но и совсем немного, если вспомнить о крепости аристократической породы Симоновых. Никто и никогда не то что не считал, но и не предполагал: сколько было душевных ран у «любимца Сталина», насколько они сократили его жизнь. Симонов с полным правом мог отнести и к себе слова своего друга С. П. Гудзенко (1922–1953), «мы не от старости умрём, от старых ран умрём»...

А. К. Симонов справедливо заметил, что «масштаб и значение творчества Симонова чётко не определены до сих пор» [11] У каждого своя война – скажет писатель-фронтовик, инвалид войны, В. П. Астафьев. И у каждого свой Симонов...

В 1978 году, всего лишь за год до своей смерти, К. М. Симонов, словно предвидя грядущие «суды и пересуды» потомков написал: «Если о времени, когда ты не печатался или только начинал печататься, можешь рассказать только ты сам, то обо всём последующем в жизни писателя говорят главным образом его книги» [12.С. 9]. К тексту, а не к комментарию, как правило, сиюминутно пристрастному, и надлежит нам обратиться.

И точно так же мы, россияне, вновь, от юбилея к юбилею вспоминая Константина Симонова, жалеем и грустим в силу своего несовершенства и ограниченности о неразгаданности тайны великого русского писателя, который, как былинный герой, так и застыл на развилке дорог – у Буйничского поля...

ЛИТЕРАТУРА

1. Берман Д.А., Толочинская Б. М. К. М. Симонов. Библиографический указатель. – М.: Книга, 1985. – 456 с.
2. Вознесенский А.А. Тьмасть. – М.: Время, 2007.
3. Герасимова И.Ф. Человек и время: поэзия К. М. Симонова периода Великой Отечественной войны в контексте литературной эпохи: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 25 с.
4. Гранин Д.А. Мой лейтенант. – М.: ОЛМА Медиа-Групп, 2012. – 320 с.
5. Дёмина Л.И. Идеино-художественная эволюция малых жанров в отечественной военной прозе 40-х годов (очерк, рассказ, повесть): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 1993. – 22 с.
6. Евтушенко Е.А. ПСС: В 8т. – М.: АСТ, 2013. – Т. 5. 1976 – 1982.
7. Имхелова С.С. Симонов Константин (Кирилл) Михайлович// Шолоховская энциклопедия. Коллектив авторов. Главный редактор Ю. А. Дворяшин. Вступ. ст. М. М. Шолохов. М.: Издательский Дом

- «Синергия», 2012. – с. 1216, ил. – С. 766–768.
8. Карельская авантюра: Военно-политический сборник /Под ред. Гр. Янского – Петрозаводск: Политотдел Карельского района, март 1922 г. – 117 с.
 9. Липина Е.А. Лингвокультурный концепт «Время военное / Kriegszeit» в идиолектах К.М. Симонова и Э.М. Ремарка (на материале текстов военной прозы): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 25 с.
 10. Панкин Б.Д. Четыре я Константина Симонова. Роман-биография. – М.: Воскресенье, 1999. – 456 с.
 11. Симонов А. К. «Отец никого не любил с закрытыми глазами» // Известия. 2005. 5 ноября.
 12. Симонов К.М. Автобиография // Берман Д.А., Толочинская Б.М. К.М. Симонов. Библиографический указатель. – М.: Книга, 1985. – С. 5–12.
 13. Шолохов. М.А. Письма. /Под общей редакцией А.А.Козловского, Ф.Ф. Кузнецова, А.М.Ушакова, А.М.Шолохова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 480 с.
 14. Шолохов М.А. С. с.: В 8 т. – М., 1986. – Т. 8: Очерки. Статьи. Фельетоны. Выступления. – 383 с.